

текстологический анализ. Южнорусский книжник творчески обрабатывал свои литературные источники, составляя подобие центона. При этом совокупность заимствований, на уровне прямого лексического соответствия или менее явных парафразов и реминисценций отдельных эпизодов Священного Писания и исторических произведений, имеет общую тему — падение Иерусалима. Функция такого цитирования заключалась в осмыслении реальности с привлечением исторических, библейских аналогий.

Обращение к падению Иерусалима связано с тем, что, с одной стороны, с принятием христианства от Византии Киев принял на себя функции Святого града, важнейшего земного места для христианства, в том числе в эсхатологическом контексте. С другой стороны, падение Святого града рассматривалось как важнейшее событие мировой священной истории, которое могло эхом повторяться в разных исторических контекстах. Провести параллель с таким событием означало принять на себя высокую ответственность, в особенности учитывая гипотезу о том, для Кого предназначались древнерусские летописи. Основанием для такой параллели могла быть только наблюдаемая реальность, в противном случае книжник рисковал стать искажителем Божественного замысла. Об этом свидетельствуют и характер работы с литературными источниками, и летописная информация, которую нельзя объяснить заимствованием: рассказ пленного Товрула, имеющий достаточные основания для того, чтобы быть признанным правдоподобным.

Итак, использование в древнерусских летописях извлечений из литературных произведений или «этикетных формул» не является признаком того, что изложенные события — выдумка или мистификация. Именно таким образом события описывались. Многослойность древнерусского источника не должна пугать, работая с ним, нужно «следовать с осторожностью, как советуют дорожные знаки».⁹⁰ Однако, согласно одной из центральных идей герменевтического анализа древнерусского текста, именно такими «дорожными знаками» являются литературные формулы и цитаты,⁹¹ расшифровка контекста которых позволяет приблизиться к цели создания и смыслу текста, а вслед за этим к пониманию стоящей за ним реальности.

⁹⁰ Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 116.

⁹¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 60; Репина Л. П. «Доступный нашим чувствам знак»... С. 6.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-62-73

© А. М. Петров

«КРАСУЙСЯ, ПЕТРОЗАВОДСК, В СЛАВЕ СЕЙ!»: СТИХОТВОРЕНИЯ Т. В. БАЛАНДИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА*

В конце октября 1785 года олонекский губернатор Г. Р. Державин, приступивший к должностным обязанностям всего год назад, покидал Петрозаводск.¹ Причиной тому стал затяжной конфликт с наместником олонекским и архангельским, генерал-губернатором Т. И. Тутолминым.² Державин ушел в отставку и уехал в Петербург, где в канун нового, 1786 года, ему было сделано поэтическое подношение: два стихотворения

* Публикация подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания по плановой теме № 121070800089-0 «Фольклор, рукописная книжность и литература Европейского Севера: источниковедение и поэтика».

¹ Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 80.

² Там же; см. также: Западов В. А. Державин Гаврила Романович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. А–И. С. 253; Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII — начала XX века. Петрозаводск, 2007. С. 19.

петрозаводского краеведа Тихона Васильевича Баландина,³ прославлявшие деяния Гаврилы Романовича на губернаторском посту: «Ода» и «Поема граду Петрозаводску на щастливое состояние жителей» (с. 218–224).

Трудно сказать, что подумал в тот момент Державин о художественных достоинствах сочинений Баландина, однако человеческий порыв краеведа явно оценил: стихотворения сохранились в личном архиве поэта в Отделе рукописей РНБ (см. комм. на с. 340–341). Возможно, эти любительские вирши напоминали Державину о Петрозаводске, об Олонецкой губернии, а в какой-то мере и просто несли заряд душевного тепла дарителя. О публикации баландинских произведений, конечно, речи идти не могло. Возможно, это было и к лучшему для скромного краеведа, если учесть враждебность руководства и чиновничества Олонецкой губернии к опальному губернатору.⁴

Не совсем понятно, знал ли Баландин, что 15 декабря 1785 года Державин уже назначен Екатериной II на должность губернатора в Тамбов и больше никогда не вернется в Олонецкий край: историк А. М. Пашков указывает на «неосведомленность» Баландина «в этих деталях».⁵

Сейчас эти стихотворения являются памятником не столько художественно-эстетическим, сколько историческим, поскольку, во-первых, дают представление о взглядах, мировоззрении человека того времени, а во-вторых, стихи Баландина — это одновременно и научно-краеведческие сочинения, посвященные истории Петрозаводска.

Цель нашего исследования — представить стихотворения Баландина в поэтическом контексте эпохи и установить их возможные литературные «прототипы». Эти материалы, на наш взгляд, по-своему ценны для истории провинциальной (а также непрофессиональной, самодеятельной, «наивной») русской литературы.

На необходимость изучения творчества поэтов-дилетантов уже указывалось ранее.⁶ Именно на XVIII век приходится зарождение этого культурного феномена в России. Это связано с тем, что «для философии Просвещения характерен высокий общественный престиж литературы и ее приближенность к проблемам отдельного человека. Читателями становились многочисленные представители разных сословий. В стихах маститых авторов они находили мысли и чувства, созвучные своим. Кажущаяся легкость сочинительства подталкивала любителей поэзии попробовать свои силы в сложении стихов. Поклонники поэзии жаждали стать ее творцами».⁷

³ О Тихоне Васильевиче Баландине известно немного: не установлен даже точный год его рождения, называются то 1745, то 1754, то 1748, то 1749 годы (*Баландин Т. В.* «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин; предисловие А. М. Пашкова и А. В. Пигина; подг. текстов к изданию М. Г. Бабалык и др.; комм. Е. Д. Гришкевич и др. СПб., 2016. С. 4 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы); *Пашков А. М. Т. В. Баландин — малоизвестный петрозаводский просветитель конца XVIII — начала XIX вв.* // Вопросы истории Европейского Севера / Отв. ред. М. И. Шумилов. Петрозаводск, 1991. С. 17). Также «время не сохранило ни могилы Баландина, ни его портрета» (с. 34). Дата смерти — 26 июня 1830 года (с. 3, 4). Канва жизни Баландина по разным источникам достаточно подробно (насколько это позволяют имеющиеся документы) восстановлена А. М. Пашковым (*Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии... С. 14–50*). Наиболее крупное сочинение Баландина — «Петрозаводские северные вечерние беседы», посвященные истории Петрозаводска. Оно печаталось на страницах «Олонецких губернских ведомостей» фольклористом П. Н. Рыбниковым в 1866–1867 годах (*Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии... С. 44*). Исследование «Бесед» с точки зрения их исторической точности в свое время опубликовал В. П. Мегорский (*Мегорский В. П. Предание об основании Петрозаводска // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 год. Петрозаводск, 1908. С. 277–288*). Полное собрание трудов Баландина опубликовано лишь несколько лет назад, хотя его вклад в культуру и краеведение Карелии общепризнан. Его справедливо называют «талантливым человеком, патриотом и знатоком истории края» (*Илюха О. П. Книгоиздание в Олонецкой губернии (вторая половина XIX — начало XX века) // История литературы Карелии: В 3 т. Петрозаводск, 2000. Т. 3 / Ред. Ю. И. Дюжев. С. 35*).

⁴ *Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии. С. 80.*

⁵ *Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии... С. 19.*

⁶ *Кукушкина Е. Д. Державин и К. В. Злобин (К вопросу о дилетантской поэзии) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 174.*

⁷ Там же. С. 174–175.

Любительские стихотворения, являясь частью литературного процесса, не всегда легко поддаются историко-типологической каталогизации и почти всегда требуют специального, «более точного определения своего места в культурном пространстве».⁸ Поэтому в настоящее время признается необходимым «не только осмыслить более значительный пласт фактического материала, но и хорошо понять генезис, функции, саму основу литературного творчества самодеятельных авторов».⁹ В рамках указанного подхода и предпринято предлагаемое нами исследование.

Оба стихотворения Баландина были написаны во время его пребывания в Рязани в 1785 году (комм. на с. 340). Это самые ранние сочинения краеведа «среди известных в настоящее время», они созданы «в традициях высоких жанров классицизма» (комм. на с. 340).

Первое стихотворение написано *четырёхстопным ямбом* в форме *одического десятистишия*, что соответствует канонам классицизма,¹⁰ хотя эти каноны не носили такого строгого характера, как принято считать.¹¹ В оде воспеваются добродетели Державина: поэт называет его *героем, благотворителем, благодетелем всех смертных, отцом, достохвальным мужем* и т. п.; прославляет деяния Державина, предрекая им долгую славу в веках: «Хоть тысяща пройдет веков, / Вся слава громкая пребудет, / И в обществе сей муж каков, / Хвалится смертный не забудет» (с. 220).

Державин в изображении Баландина предстает не как поэт: стихотворец ценит не слова, а дела: «Ты выше в деле, нежели в рихмах» (с. 219). Толкование этой фразы ранее было предложено Е. Д. Кукушкиной. По мнению исследовательницы, «автор хотел подчеркнуть значимость служебной деятельности Державина».¹² Это соответствует и отношению самого Державина к «словам» и «делам»: для него «в 1780-е гг. „дела“ были важнее „слов“». Любопытно, что «ни в одном другом стихотворении почитатели Державина не ставили его государственную деятельность выше его творчества. Чаще всего они уравнивались».¹³

Хотя, возможно, Баландин имеет в виду и собственные «рихмы», которые не в силах выразить величие адресата оды, т. е. никакими «рихмами» нельзя передать всю значимость государственной и литературной деятельности Державина.

Торжественный пафос создается при помощи церковнославянизмов: *златых, страждущим, пред, благотворитель, возвещу, влекут, здраву, чрез, грады, глас, пространном, тысяща, хошу, зиждуются, вещает, полнощных, благодарность, светозарность* и др.

Ода состоит из 12 строф. Для общего знакомства со стилем Баландина процитируем первую строфу: «Давно мой жаркий дух пленен / Твоими, о герой, делами, / Гремящими златых времен, / Которой быстрыми крилами / Разносит славы яркой звук. / Давно должен без наук¹⁴ / Тебе отменну песнь составить, / Тебе, кой страждущим покров. / Давно среди моих трудов / Мой долг — твои труды прославить» (с. 218).

В строфе сочетаются перекрестная, парная и кольцевая (охватная) рифмовки с закономерным распределением мужских и женских клаузул: aBaBccDeeD. Четырёхстопный ямб в сочетании с такой строфикой был впервые употреблен в «Оде на взятие

⁸ Жадовская С. А. Фольклор и литературная деятельность в малом городе (на материале городов Кировской и Архангельской областей) // Русский фольклор. СПб., 2018. Т. 37. Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сб. статей и материалов памяти А. А. Горелова). С. 164.

⁹ Там же.

¹⁰ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984. С. 54, 56.

¹¹ Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. Пенза, 1972. С. 227.

¹² Кукушкина Е. Д. Стихотворные послания Державину (по рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 151.

¹³ Там же.

¹⁴ Метрический сбой. Здесь Баландин намекает на то, что он любитель и нигде не обучался искусству стихосложения.

Хотина» М. В. Ломоносовым в 1739 году.¹⁵ Однако «наиболее популярным вариантом „одической строфы“» стала модель Я4 AbAbCCdEEd, использованная «впервые Сумароковым между 1740 и 1743 годами, в оде „Вперяюся в премены мира“ <...>, и Ломоносовым в 1741 году в оде, посвященной дню рождения Иоанна Антоновича...».¹⁶ Десятистишие подобного типа было наиболее распространено в XVIII веке, на его долю приходилось 83% от общего числа всех десятистиший.¹⁷ Это классическая одическая строфа.¹⁸

Схема aBaBccDeeD у Баландина неустойчива. В его оде единообразие строфической структуры не выдержано. Модели aBaBccDeeD *примерно* соответствуют строфы № 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12; AbAbCCdEEd — № 2, 4, 5, 6. Самодетельный поэт не везде сладил с рифмовкой и метрикой. Однако можно с уверенностью утверждать, что именно эти два типа послужили образцами при написании оды.

Отметим «дефектные» строки: «Возвысити ревностно трубою», «Коль, несилен, я могу открыти», «Когда я свету не возведу», «Приими, муж, выше редких душ», «Твоею, Державин, редкою душею», «К тебе, благодетель, мчит во отдаленный круг» и др. Всего таких строк набралось 23 из 120 (19,2%).

Судя по тому, что большее распространение в русской поэзии XVIII века получила модель AbAbCCdEEd, которая у Баландина уступает модели aBaBccDeeD, петров заводский поэт ориентировался на ломоносовскую «Оду на взятие Хотина» как на самый ранний¹⁹ и, по-видимому, самый авторитетный образец для подражания. Ср. также первую строку в обеих одах: «Давно мой жаркий *дух пленен*» (Баландин), «Восторг внезапный *ум пленил*» (Ломоносов). Вполне вероятно, что первая строка ломоносовской оды помогла Баландину «настроиться на нужную волну»; послужила своего рода поэтическим импульсом; из нее и зародился сначала ритм, а потом и текст баландинского стиха.

Возможно, конечно, что Баландин хорошо чувствовал поэтический дух эпохи и бессознательно воспроизводил общие художественные тенденции, без прямого подражания Ломоносову. Чтобы проверить уникальность лексического состава ломоносовской строки, обратимся к данным поэтического подкорпуса «Национального корпуса русского языка». Глагол «пленить» в разных формах («пленен», «пленил», «пленный» и т. д.) в разножанровом материале XVIII века (данные за 1730–1785 годы) встречается 99 раз. В произведениях разных авторов (Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Е. И. Кострова, Ф. Я. Козельского, В. И. Майкова, В. П. Петрова, М. В. Ломоносова и др.) словосочетания «пленный дух» или «пленный ум» составляют определенную часть поэтической формульности.

Иными словами, Баландин мог встречать эти образы в различных комбинациях не только у Ломоносова. Однако по разным причинам не все произведения могли повлиять на баландинскую «Оду». Так, часть написана цезурированным шестистопным ямбом (огромный разрыв в метрике); часть написана слишком близко к 1785 году и едва ли была знакома Баландину; часть соответствует модели AbAbCCdEEd, которая не соответствует процитированному баландинскому десятистишию. В то же время поэтическая формула «дух пленен» встречается *только* в ломоносовской оде «Уже врата отверзло лето...» 1743 года (AbAbCCdEEd) и в позднем сочинении Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Письмо к А. В. Сал<тыков>у» 1783 года. Третий поэт XVIII века, у которого мы находим формулу «дух пленен», — это сам Баландин.

¹⁵ Тверьянович К. Ю. Метрика и строфика русской поэзии 1735–1810-х годов: Краткий обзор // Тверьянович К. Ю. Русский стих 1735–1810-х годов: Метрика и строфика: Антология / Под ред. П. Е. Бухаркина. СПб., 2013. С. 41.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха... С. 96.

¹⁸ Тарановский К. Ф. Из истории русского стиха XVIII в. Одическая строфа в поэзии Ломоносова // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М., 2000. С. 291–299.

¹⁹ «Ода на взятие Хотина» 12 лет пролежала «без движения» и была опубликована лишь в 1751 году (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. С. 874–875).

Баландинская строка, заметим, напоминает ломоносовскую и по ритмике: это полноударный ямб, с которого Ломоносов начал силлабо-тоническую революцию.²⁰

Учитывая личность адресата «Оды», можно предположить влияние державинской оды «Фелица», ср.: «Она мой *дух* и *ум* пленяет» (также полноударный ямб), однако строфическое строение в «Фелице» другое (AbAbCCdEEEd); кроме того, буквального лексического совпадения нет. И все же факты биографии Баландина указывают на то, что он мог читать «Фелицу»: в 1782–1783 годах Баландин совершал паломничество по монастырям и церквам, в том числе находился в Петербурге,²¹ т. е. в центре культурных событий.

Но если учитывать *только* данные стиховой структуры, то наиболее близки строке баландинской оды строки из од Ломоносова. Вопрос об источнике, таким образом, не вполне разрешен; могут быть и иные гипотезы.

В остальном «Ода» Баландина более самостоятельна и лишь опирается на традиции классицизма, которые, конечно, задают определенные пределы, границы для творческой свободы поэта.

В области рифмовки Баландин проявляет консерватизм: он прибегает к грамматической рифме; в рамках одического десятистишия, естественно, не допускаются дактилические клаузулы, только мужские и женские.

Преобладают созвучия именные: *делами* — *крилами*, *звук* — *наук*, *трудах* — *берегах*, *венец* — *отец*, *мир* — *зефир* и т. д., всего 32 пары. Глагольные незначительно уступают: всего 26 пар: *составить* — *прославить*, *был* — *заслужил*, *любя* — *трубя*, *пылает* — *внимает*, *возгрезмит* — *парит*, *говорит* — *горит*, *воспящает*²² — *напоминает* и т. д. В двух случаях используется смешанная рифмовка: *похвал* — *изъянял*, *в честь* — *не принесть*.

Грамматическая техника довольно архаична, она, в частности, является признаком силлабики XVII века.²³ В XVIII веке такой рифмы поэты старались избегать;²⁴ она обедняет стих. Однако в чем Баландин неукоснительно следует нормам XVIII века — это в *точности* рифмовки. Имеются некоторые единичные отступления: *способны* — *превосходны*, *возвещу* — *постыжу*, *в рѣках* — *во стихах*. Рифмует Баландин и пары типа *воздаяний* — *сиянии*, *Острей* — *трофеи*, но «йотированные» рифмы были, в целом, «допущены к употреблению на правах „поэтической вольности“». ²⁵ К относительно точным принадлежат пары созвучий *изъявити* — *открыти*, *изъянить* — *открыть*, поскольку они содержат «и» и «ы» в ударной позиции.²⁶ Рифма *дух* — *круг* у Баландина также является точной, поскольку в XVIII веке в высоком церковнославянском произношении «г» произносился как фрикативный.²⁷

Интерес представляет проблема ритмической организации баландинской оды на фоне ритмических тенденций XVIII века. Для характеристики ритмики необходимо, во-первых, исключить дефектные строки; во-вторых, рассмотреть два типа строф (aBaBccDeeD и AbAbCCdEEEd) раздельно, поскольку разный порядок чередования мужских и женских строк потенциально может влиять на характер ритмики стиха.

²⁰ Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 212–214. Существует гипотеза, согласно которой на ритмику «Оды на взятие Хотина» повлияла ритмика немецкого языка (Казарцев Е. В., Красноперова М. А. «Ода... на взятие Хотина 1739 года» М. В. Ломоносова на фоне языковых моделей ритмики русского и немецкого стиха // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха / Под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. М., 2004. С. 33–46).

²¹ Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии... С. 18.

²² Воспящать — «1. Задерживать движение кого-, чего-л.; остановить, обратить вспять. 2. Воспрепятствовать, помешать кому-, чему-л.» (Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. Воздух — Выпись. С. 92). В строках «Пусть благодарностью моею / Лететь мест далностию воспящает» Баландин имеет в виду, что его стихотворение написано в Рязани, т. е. далеко от Петрозаводска, и эта отдаленность усложняет принесение благодарности адресату.

²³ Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб.; М., 2004. С. 87.

²⁴ Там же.

²⁵ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха... С. 86.

²⁶ Холшевников В. Е. Основы стиховедения. С. 88.

²⁷ Там же. С. 93.

Как мы уже отметили, дефектных строк в оде — 23. Следовательно, всего для ритмической характеристики остается 97 строк.

Модели аВаВссDeeD соответствуют 8 строф (№ 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12), т. е. 80 строк. Здесь исключены как дефектные 18, т. е. анализу подлежат 62. Модели АbАbCCdEEd соответствуют 4 строфы (№ 2, 4, 5, 6), т. е. 40 строк. Исключены 5, т. е. анализу подлежат 35.

Основу ритмики составляют строки, соответствующие I, III и IV ритмическим формам.²⁸ Например: I *Давно́ мой жа́ркий ду́х пленён*, III *Хоть ты́сяща пройде́т веко́в*, IV *Како́й, о се́верной Острёй*. Существенно реже встречаются формы II, VI и VII, например: II *Он безу́молкно ве́рх па́рит*, VI *Пусть благода́рностью моёю*, VII *Но ре́вностным не возпреща́ет*.

Профиль ударности для строф модели аВаВссDeeD представлен в таблице 1:

Таблица 1. Профиль ударности для строф аВаВссDeeD

Икты	I	II	III	IV
Удаляемые икты	58	50	33	62
%	93,5	80,6	53,2	100

Таким образом, для строф аВаВссDeeD мы получили «рамочный» профиль ударности четырехстопного ямба, характерный для русского стиха XVIII века.²⁹

По М. Л. Гаспарову, «художественный эффект этого подчеркивания ударной рамки, по-видимому, в том, что от этого каждый стих выступает более выделенно и самостоятельно и что в каждом стихе ритм отчетливо задается с самого начала. И то и другое вполне соответствует духу классицистической эстетики».³⁰

Очевидно, что на основании столь незначительного материала судить о ритмических тенденциях невозможно, однако сами по себе эти цифры достаточно интересны.

Профиль ударности для строф АbАbCCdEEd представлен в таблице 2:

Таблица 2. Профиль ударности для строф АbАbCCdEEd

Икты	I	II	III	IV
Удаляемые икты	32	30	17	35
%	91,4	85,7	48,6	100

Поскольку наш материал статистически не показателен, воздержимся от сравнений с данными из таблицы 1; обратим лишь внимание, что и здесь, в микромодели одического стиха, выдержан «рамочный» профиль.

Также Баландин старательно избегает сверхсхемных ударений: на 97 строк приходится лишь один случай: *Гла́с ре́вности моей откры́ть*.

Любопытно, что язык (синтаксис и грамматика) и стиль баландинской оды намного проще, чем стиль его же прозаических произведений. Если его проза тяготеет «к традициям так называемого „старого“ слога сторонников А. С. Шишкова и его

²⁸ О номенклатуре ритмических форм см. подробнее: Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004. С. 8.

²⁹ Белый А. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба // Белый А. Символизм. М., 1910. С. 286–330; Тарановский К. Ф., Прохоров А. В. К характеристике русского четырехстопного ямба XVIII века: Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков // Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / Пер. с серб. В. В. Сонькина. М., 2010. С. 398–444; Гаспаров М. Л. 1) Очерк истории русского стиха... С. 75; 2) Материалы к ритмике русского четырехстопного ямба XVIII века // Гаспаров М. Л. Избр. труды. М., 1997. Т. 3. О стихе. С. 158–180; Казарцев Е. В. Сравнительное стиховедение: Метрика и ритмика. СПб., 2017. С. 77–78.

³⁰ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха... С. 75–76.

последователей»,³¹ то стих (синтаксис стиха), напротив, предельно облегчен. Вероятно, здесь действует механизм «компенсации», о котором, в частности, писал М. Л. Гаспаров: «Переход от силлабического стихосложения к силлабо-тоническому сделал более трудным метр, но более легким — синтаксис».³²

В целом, Баландин старательно следует нормам поэтики торжественной оды XVIII века (прежде всего, оды Ломоносова). Это проявляется не только в языковой или стиховой организации текста. Опорой поэту служат тематические топосы жанра.³³

В ломоносовской оде воспеваётся *просвещенный, идеализированный монарх* — Баландин в той же манере и стилистике воспеваёт Державина. Есть и регламентированный поэтикой оды реверанс в сторону подлинного монарха: «В восторге всяк ликует новом / Под толь возлюбленным покровом / Владычицы полнощных стран» (с. 221). «Владычица» здесь — это Екатерина II (комм. на с. 341).

Ода Баландина пронизана *патриотическим настроением*: «Но всяк, кто мысль имеет здраву, / *Свое отечество любя*, / Тебе почтение составляет / И свету дух свой объявляет, / Правдивую трубой трубя» (с. 219). При этом настрой поэта миролюбив, он больше ценит не военные победы и трофеи, а созидательный труд во благо отечества; подлинную славу приносят властителю мирные дела: «Пускай другой, приявши меч, / На пространном поле ополчился / И сам себя тем в ползу общу веселит, / Что враг его мечем разбит, / Он славой бранной веселился. / Но так не меньше возгремит, / Что внутри отчества печется. / Он безумолчно вверх парит / И в звук мирных лир несется / До самых светлых облаков...» (с. 220).

Мировое пространство видится поэту *грандиозным, необъятным*; он мысленно преодолевает огромные расстояния, возносится над землей в небесные сферы; создает величественную картину природы: «Мой дух, *чрез грады, лес и горы* / Простерты мысленны взоры, / Тебя в великих зрят трудах»; «*В полях, лесах и над водами* / Вещает нежными устами» (с. 219, 221). Подобные поэтические масштабы соответствуют принципам художественной организации классической оды, в которой «восторженный пиит руководит в своем пении не разумом, но восхищением; его воображение парит, пролетает мигмом пространство, время, нарушает логические связи, подобно молнии освещает сразу разнообразные места».³⁴

Важной чертой поэтики оды являются *античные образы и мотивы* — Баландин включает в свое стихотворение и их; они выстраиваются в ряд «возвышенных ассоциаций».³⁵ Как отметил А. В. Западов, «читатели XVIII века, встречая имя Марса, твердо знали, что речь пойдет о войне, появление Нептуна обозначало, что начинается морская тема. Венера всегда вела за собой рассуждение о любви и т. д.».³⁶ В баландинской оде разрабатывается тема «золотого века» — мифического времени всеобщего благоденствия и счастья. Поэтому в оде фигурируют Острей (Астрей)³⁷ — греческое божество звездного неба³⁸ и римский Сатурн — «справедливый и добрый бог золотого века».³⁹ Тема «золотого века» могла быть известна Баландину из тех же источников — од Ломоносова, ср. образ египетского «золотого века»: «Златой дает

³¹ Патроева Н. В. О языке и стиле «Петрозаводских северных вечеров» Т. В. Баландина // Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»... С. 364.

³² Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М. Л. Избр. труды. Т. 3. С. 153.

³³ См.: Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939; Серман И. З. Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л., 1973; Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.

³⁴ Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. статья В. М. Живова. М., 2001. С. 47.

³⁵ Там же. С. 46.

³⁶ Западов А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). М., 1979. С. 37.

³⁷ Комментаторы баландинской оды предполагают, что здесь может иметься в виду Астрей, т. е. речь идет о «веке Астреи» (комм. на с. 341).

³⁸ Западов А. В. Поэты XVIII века... С. 37.

³⁹ Там же.

Египту век».⁴⁰ Характерен для поэтики русского классицизма образ *зефира* (мягкого ветерка), также связанный с греческой мифологией (Зефир — бог западного ветра): «Веселье жидутся трофеи, / И царствует везде *зефир*» (с. 221).

Можно говорить об особом устройстве художественного хронотопа: «одической горизонтали» (пространство) и «одической вертикали» (время).⁴¹ «Поэт <...> оказывается над пространством и временем, или вне времени и пространства, в той метафизической области, куда его призывал Платон».⁴²

В «Оде», соответственно поэтике жанра, присутствуют и «два разных лирических выразителя: одическое „я“ и одическое „мы“ <...> одическое „я“ выражает мысли и чувства одического поэта, который, на время забывая о своем парении, присоединяет свой голос к голосу народа, говорит от его лица, тогда появляется одическое „мы“».⁴³

Имеются в тексте и «темные места», в которых, судя по всему, ведется речь о личных жизненных обстоятельствах поэта. Баландин говорит о «милостях», оказанных ему Державиным, на что ранее обратили внимание комментаторы «Оды» (предисловие, с. 23). Ср.: «Мне стыдно о тебе молчать, / Мне стыдно *милости* забыть, / Которые ты мне мог дать, / Безчувствен не хочу я быть»; «Когда б не *милость* мне твоя, / Тобою вечно, жизнь моя, / Тобою я возстановился» (с. 220). Баландин горестно восклицает: «Отца такого я лишился!» (с. 220). Что именно послужило поводом для скорби поэта, не ясно. Вероятно, он мог как-то узнать об отставке Державина с поста Олонецкого губернатора и внес эти строки в окончательную редакцию «Оды» ближе к ноябрю — декабрю 1785 года (напомним, что сама «Ода» создавалась летом 1785 года в Рязани). Текстологические разыскания здесь невозможны, поскольку черновики стихотворения (они наверняка были) не сохранились.

«Ода» является своеобразным прологом ко второму стихотворению, в котором поэт сосредотачивает внимание на «граде Петрозаводске».

«Поэма граду Петрозаводску...» — это «первое поэтическое произведение, посвященное этому городу и написанное местным уроженцем» (предисловие, с. 23). Квалификация стихотворной формы «Поэмы...» в контексте традиции классицизма представляется нетривиальной задачей. Поэма имеет строфическую организацию: она состоит из 11 строф, каждая из которых включает 10 строк (исключение — вторая строфа, состоящая из 12 строк). Строго выдержана парная рифма — от начала и до конца поэмы (исключение — 10 строфа, где в первых четырех строках используется неточная перекрестная рифма: *числи — лести — мысли — прости*). Клаузулы только мужские и женские, закономерностей в их чередовании нет, порядок произвольный.

Приведем в качестве примера первую строфу: «В странѣ знатнѣйшихъ сѣверныхъ холмовъ, (1.113.0)⁴⁴ / Промѣжду высо́кихъ горъ и круты́хъ брего́въ, (1.2121.0) / Где зря́тся прозра́чны чы́сты во́ды, (1.211.1) / Там раз́ныхъ ры́б видны́ мно́ги ро́ды, (1.112.1) / С горъ течѣ́ние бы́стрыхъ во́д катѣ́тся, (0.1211.1) / И стре́мясь стру́я стру́ей я́рится. (2.111.1) / Журча́ние бегу́щихъ во́д, пла́вной сту́к, (1.3101.0) / Разда́ющей гу́л и при́ятной зву́к, (2.121.0) / Преда́ющей красу́ селе́нию и наро́ду, (2.214.1) / Гро́мчае па́мьть гра́ду, не́жели Немвро́ду (0.2113.1)» (с. 221).

Ясно, что это не силлабо-тонический стих. Парная рифмовка наводит на мысль о силлабическом стихе, однако от силлабики здесь нет ничего: не выдержан не только изосиллабизм, но хотя бы относительный силлабизм; нет цезуры; при этом частотны мужские рифмы, нетипичные для русской силлабики (строка с мужскими клаузулами — 47, с женскими — 65). Можно, конечно, предположить, что это — до предела распатанная силлабика, но в таком случае должны быть хоть какие-то признаки

⁴⁰ Ломоносов М. В. Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и прим. А. А. Морозова; подг. текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. Л., 1986. С. 113 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴¹ Алексеева Н. Ю. Русская ода... С. 192.

⁴² Там же. С. 192–193.

⁴³ Там же. С. 193.

⁴⁴ Здесь и далее внутри цитаты в конце каждой строки в скобках приведены интервальные схемы.

силлабических виршей. В тексте таких признаков нет совсем. Вероятно, Баландин мог «держат в уме» силлабику, но получилось у него нечто совсем другое.

По-видимому, этот стих ближе всего к тоническому. В комбинациях междударных интервалов в каждой строфе нет закономерности; каких-либо ограничений на длину междударного интервала нет, стих полностью расшатан. Проверив структуру интервальных схем для каждой строки,⁴⁵ мы квалифицируем этот текст как *акцентный стих*. Количество ударений в строках также неодинаково: диапазон акцентного варьирования равен 3–5, т. е. стих является неравнострочным. Парная рифма, маркирующая границы строки, дает основания предположить, что перед нами *стих говорного типа, говорная тоника*. Его обычно называют *досиллабическим* или *раешником*.⁴⁶ Классификация его видов составляет отдельную проблему.⁴⁷

Однако такой говорной стих при всех натяжках не вписывается в рамки эстетики классицизма. Это вынуждает нас вновь поставить вопрос о метрических «прототипах» поэзии Баландина.

Думается, едва ли можно утверждать, что источником метрики баландинской поэмы стал фольклор. В «Поэме...» совсем другая стилистика, тематика, образность, нежели в народном говорном стихе. «Поэма...» — произведение серьезное, торжественное, посвященное высоким правящим особам; здесь выражено восхищение любимым городом и его жителями. Народный раешник более всего ассоциируется с прибаутками, пословицами, балагурными, скоморошьими интонациями (хотя только к ним, конечно, не сводится).

Баландин был прекрасным знатоком местного фольклора, но воспитан был в совершенно другой среде: он был подлинным книгочеем (см. с. 5–10), при этом «истово верующим» человеком.⁴⁸ Привычной для него областью была все-таки книжная, а не устная народная словесность.

Предположим, что источником метрики для «Поэмы...» могли послужить стихотворения авторов-досиллабистов приказной школы (справщика Савватия, А. Романчукова, П. Самсонова и др.⁴⁹) или другие произведения, написанные в русле этой традиции. Ср.: «Еллины ищут премудрости на сем свете, / горе же им будет, егда предстанут в будущем ответе. / От сущаго источника истекают воды живы, / а от земных мудрости бывают мысли возносливы»;⁵⁰ «Проникнули туда россов взоры, / Тщанием взошед в глубокия норы, / С добычею несясь на свет явленной, / Со славою отечеству и вселенной» (с. 222–223).

Вопрос, был ли вообще знаком Баландин с этими сочинениями, для нас остается открытым. Но имеются свидетельства, что вирши начала XVII века переписывались еще очень долго.⁵¹ Некоторая вероятность чтения таких стихов Баландиным существует; особенно если учесть, что он, сам не будучи старообрядцем, был женат на Ирине Аверкиевой, «дочери петрозаводского старожила, старообрядца Аверкия Васильева Нетужева» (предисловие, с. 7). В культуре старообрядцев бытование досиллабических и силлабических стихов — вполне обыденное явление, достаточно вспомнить выголексинскую литературную школу, в которой «культивировали и раешник, и тонику, и, наконец, изосиллабические вирши».⁵²

⁴⁵ О методике определения метра в стихе подобного типа см.: Скулачева Т. В. Методы определения метра в неклассическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 45–54.

⁴⁶ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1963. С. 34–77.

⁴⁷ Гильман М. П. Русский досиллабический стих: проблемы классификации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 11. Славянский стих / Отв. ред. выпуска Т. В. Скулачева. М., 2017. С. 200–209.

⁴⁸ Патроева Н. В. О языке и стиле «Петрозаводских северных вечерних бесед» Т. В. Баландина. С. 365.

⁴⁹ Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989.

⁵⁰ Виршевая поэзия... С. 241.

⁵¹ Былинин В. К., Илюшин А. А. Начало русского виршеписания // Виршевая поэзия... С. 19.

⁵² Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. С. 101–102.

Можно, конечно, предположить и другой источник метрики, а именно говорной стих древнерусских текстов.⁵³ Баландин был хорошо знаком с произведениями церковной литературы русского средневековья и активно задействовал их стилистику в собственных краеведческих штудиях.⁵⁴ Однако этот источник представляется маловероятным. «Поэма...» Баландина относится к светскому жанру литературы, она принадлежит совсем другой эпохе и другой культурной традиции.

Рифма в досиллабическом стихе грамматическая, строки обычно связаны синтаксическим параллелизмом.⁵⁵ В «Поэме...» также преобладают рифмы грамматические: 1) именные: *рудами — трудами, явленной — вселенной, Мецената — Сократа, златой — драгой, героя — Троя, превознесенной — посвященной* и т. д., всего 41 пара; 2) глагольные: *распространил — лил, гремит — затмит, называя — прославляя, вещаю — вкушаю, пребуду — не забуду* и т. д., всего 10 пар; 3) смешанные: *рек — век, несущу — красу* и т. п., всего 5 пар.

А. М. Панченко определяет технику рифмовки досиллабического стихотворства как нечто среднее «между классической силлабикой <...> и раешником».⁵⁶ По-видимому, где-то на стыке этих традиций следует рассматривать и стих баландинской «Поэмы...». В качестве аргумента против нашей версии можно привести подсчеты А. М. Панченко, согласно которым «в книжной поэзии досимеонова периода наряду с преобладающей женской рифмой обильно использованы рифмы мужские и дактилические».⁵⁷ У Баландина дактилических рифм нет, но это и понятно: дактилическое окончание имеет фольклорные ассоциации, по разным причинам чуждые петрозаводскому поэту.

При установлении вероятности связи стиха «Поэмы...» Баландина с поэзией приказной школы проблему также представляет такая существенная ее черта, как использование *акростиha*.⁵⁸ В «Поэме...» нам не удалось его обнаружить. Возможно, такая изощренная техника была попросту не под силу поэту-любителю, или предполагаемое нами влияние не было существенным, и нужно искать другие истоки метрики этого произведения.

В любом случае тематика и стиль «Поэмы...» сформированы не традициями приказной школы, а эпохой Просвещения. Не случайно сквозь говорные интонации изредка прорываются *одические* ноты: «Внемли, герой, мой глас и числи / Хвалы, сплетенный без лести. / Но естли где нескладны мысли, / Ты неучености моей прости / И зри усердные сердца, / Которыя будут до конца» (с. 224).

«Поэма...» отличается торжественностью стиля. Она наполнена церковнославяннизмами: *брегов, бегущих, град, серебро, блата, раждают, посвященной* и др., античными образами и библеизмами: Немврод, Меценат, Сократ, Троя (подробные комментарии к этим образам см.: с. 341–342). Экспрессия здесь даже сильнее, чем в «Оде». Поэт воспеваает не только Державина и Екатерину Великую, но и Петра I.

«Поэма...» представляет патриотическое стихотворное описание, причем весьма точное,⁵⁹ истории Петрозаводска. Много внимания уделяется теме основания города; природным богатствам местности (золото, серебро, медь, чугун, руда, мрамор и т. д.); Петровским заводам. Возможно, перед нами одна из универсальных черт провинциальной литературы: потребность осознать «свое место в стране и в истории», найти «„опорные точки“ самосознания».⁶⁰ Именно *история малой родины* оказывается одной из таких точек: славное прошлое края «легитимирует его настоящее».⁶¹

⁵³ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха... С. 19–20.

⁵⁴ Патронева Н. В. О языке и стиле «Петрозаводских северных вечernih бесед» Т. В. Баландина. С. 366.

⁵⁵ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха... С. 26.

⁵⁶ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. С. 224.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 67.

⁵⁹ Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1703–2003 / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, М. А. Мишенева, Ю. А. Савватеева. Петрозаводск, 2002.

⁶⁰ Жадовская С. А. Фольклор и литературная деятельность в малом городе... С. 175.

⁶¹ Там же.

Петрозаводск в изображении Баландина — *идиллический* локус; поэт любит городским ландшафтом: холмы, горы, крутые берега, чистые, журчащие воды, изобилие рыб в водоемах и т. д. Петрозаводск напоминает рай, пребывающий в «златом веке», где праведным судом дается «мир драгой»; овцы пасутся «в пажити тучной»; «богатый и бедный в суде равен» и т. д. Это город вечного мира и счастья («щастливого состояния жителей»). Образ Петрозаводска-рая, впервые созданный Баландиным, дожил до XXI века и встречается, в частности, в прозе Виктора Пулькина.⁶²

Баландин прославляет деятельность Петра I, причем не только в «Поэме...», но и в «Петрозаводских северных вечерних беседах», где Петр, как и в «Поэме...», также «царь-преобразователь».⁶³ В создании этого образа поэт следовал «духу <...> произведений Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова» и «народным сказаниями о царе-труженике, противстоящим легендам о „подменном царе“ и „царе-антихристе“, ходившим в чуждой Баландину старообрядческой среде».⁶⁴ И для Петра I, и для Державина поэт использует эпитет «отец»: «всей стране отец», «отец Державин». Восхищаясь Державиным, Баландин не жалеет красок: он вновь, как и в «Оде», называет его героем, славит «доброты» и «милость», благодарит за то, что олонецкий губернатор «доставил тишину к покою». В последнем случае нельзя не отметить влияния ломоносовской одической топики («возлюбленная тишина»): именно топос «тишины» наиболее частотен «среди всех loci communes, используемых Ломоносовым».⁶⁵ Но это и отражение личности Баландина, стремившегося «к одиночеству и покою» (предисловие, с. 33).

Характерна для послания самоуничижительная интонация: Баландин постоянно подчеркивает свою «неученость», «негромкий в слоге звук» и т. п. Эта интонация присуща всем его произведениям, в чем можно видеть влияние древнерусского литературного этикета (предисловие, с. 26).

В «Поэме...» имеются признаки «научной поэзии». Стихотворная форма изложения научного знания (в данном случае — краеведческих изысканий по истории города) могла быть известна Баландину из сочинений Ломоносова. Можно привести такой пример «научной поэзии», как «Письмо о пользе стекла...» (1752), который мог вдохновить Баландина на создание стихотворной истории Петрозаводска. В баландинской «Поэме...» иногда мелькают даже правильные цезурированные строки шестистопного ямба, как в александрийском стихе «Письма о пользе стекла...»: «Вначале Божеству / воздвигнул храм святой»; «Раждают и несут / различной род руды» (с. 222). Впрочем, это лишь догадка. Отметим, что и в «Письме...» используется парная рифма, но, конечно, этого совершенно недостаточно для каких-либо сопоставлений. Однако сам климат эпохи, безусловно, вдохновлял авторов на подобные сочинения; тот же Баландин непрерывно учился практически всю жизнь. Любопытно, что до сих пор в местных литературных традициях могут создаваться переложенные стихами фольклорные нарративы о прошлом края.⁶⁶ Это чем-то напоминает эстетику «Поэмы...» Баландина. Вероятно, здесь играет свою роль особая *ценность стиха*, подсознательное восприятие стихотворной формы как «речи повышенной важности».⁶⁷

Таким образом, в баландинской «Поэме...» темы, идеи, образы, стилистика и риторика классицизма (точнее — торжественной оды) предстают в форме русской досиллабической поэзии XVII века. Баландин выступил и как человек своего времени, и как приверженец «старины», старой школы стихотворства, рассказывая о «высоком» предмете простым стихом. По какой причине досиллабическая форма показалась ему удобной для передачи ценностей эпохи XVIII века, едва ли когда-нибудь удастся выяснить. Возможно, Баландин использовал метрические образцы, с которыми был луч-

⁶² Петров А. М. Многоликий Петрозаводск Виктора Пулькина: к проблеме локального текста русской литературы // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2021. Т. 43. № 6. С. 29–40.

⁶³ Патроева Н. В. О языке и стиле «Петрозаводских северных вечерних бесед»... С. 366.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Бухаркин П. Е. Топос «тишины» в одической поэзии М. В. Ломоносова // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 5.

⁶⁶ Жадовская С. А. Фольклор и литературная деятельность в малом городе... С. 175.

⁶⁷ Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. С. 8.

ше знаком и которые чаще видел в книгах или рукописях, и решил разнообразить «поэтическое подношение».

В настоящее время известны только два стихотворения, принадлежащие перу Баландина. Едва ли их станет больше: архивные разыскания не сулят здесь каких-то открытий. Оба стихотворения написаны под влиянием классицизма, причем «это влияние проявляется больше в подражании форме» (предисловие, с. 22). Они интересны как художественно-документальное свидетельство, проливающее свет на некоторые особенности духовно-интеллектуальной жизни российской провинции XVIII века; на особенности стиля непрофессиональных писателей, подражающих высоким литературным образцам.

Одним из источников вдохновения для Баландина при создании первого из стихотворений могли стать оды Ломоносова. Вероятно, провинциального поэта восхищал масштаб личности прославленного ученого. Баландин тщательно копировал внешние атрибуты оды: пышность, орнаментальность стиля, мифологические образы, масштабные, величественные картины природы, восхищение монархическими особами. Также он не без успеха воспроизвел стиховую сторону жанра: четырехстопный ямб, организованный в нужный строфический рисунок. Ритмика баландинской оды характеризуется «рамочным» профилем ударности и типична для XVIII века.

Сочинения Ломоносова могли повлиять и на второе стихотворение Баландина — «Поэму...», хотя и с меньшей вероятностью. Из этих сочинений Баландин мог почерпнуть идею «научной поэзии»: в стихотворной форме изложено, по сути, краеведческое исследование истории Петрозаводска. Сама же эта форма мало соотносится с поэтикой классицизма и теснее связана с досиллабическим стихом начала XVII века. При этом тематика и стиль «Поэмы...» по-прежнему обнаруживают существенное сходство с торжественной одой.

Небольшие и по-своему наивные стихотворения добавляют новые штрихи к личности скромного петрозаводского просветителя, немало сделавшего для сохранения памяти об истории и культуре родного края.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-73-79

© С. Б. Федотова

ЗАМЕТКИ А. С. ПУШКИНА ДЛЯ ПЕРВЫХ НОМЕРОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» (К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ)*

Пушкин был убежден, что «если бы все писатели, заслуживающие уважение <и> доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть».¹ Для этого и была задумана им и А. А. Дельвигом «Литературная газета», выходившая в Петербурге с 1 января 1830-го по 30 июня 1831 года. Роль Пушкина в издании газеты чрезвычайно велика. На ее страницах он опубликовал отрывок из восьмой главы «Евгения Онегина» («Прекрасны вы, берега Тавриды...»), стихотворения «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), «Ответ» («Я вас узнал, о мой оракул...»), «Стансы» («В часы забав иль праздной скуки...»),

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01616, <https://rscf.ru/project/22-28-01616/>, ИРЛИ РАН.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1941. Т. 11. С. 90 (статья «<Разговор о критике>», 1829–1830). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.